

Мэтью Грин
ВОСПОМИНАНИЯ ВООБРАЖАЕМОГО ДРУГА

Кларе

Глава 1

Вот что мне известно.

Меня зовут Будо.

Мне пять лет.

Пять лет – очень много для такого, как я.

Имя мне дал Макс.

Макс – единственный человек, который способен меня видеть.

Родители Макса зовут меня «воображаемый друг».

Я люблю учительницу Макса – миссис Госк.

Я не люблю другую учительницу Макса – миссис Паттерсон.

Я не воображаемый.

Глава 2

По сравнению с другими мне повезло. Я живу уже дольше многих. Однажды знал я воображаемого друга по имени Филип. Тот был другом мальчика, который учился в одном подготовительном классе с Максом. Так вот этот Филип протянул меньше недели. В один прекрасный день он перебрался в реальность – при этом выглядел очень даже по-человечески, только ушей не хватало (у многих воображаемых друзей нет ушей), – а потом, через несколько дней, исчез.

Еще мне повезло, что у Макса богатое воображение. Знал я как-то одного воображаемого друга по имени Чамп, так тот вовсе был пятном. Обыкновенным черным бесформенным пятном на стене. Чамп умел разговаривать и елозить вверх-вниз, но он был двухмерным, как лист бумаги, и не мог отрываться от стенки. У него, в отличие от меня, не было ни рук, ни ног. Не было даже лица.

Внешность воображаемых друзей зависит от воображения того, кто их придумал. У Макса воображение отличное, и потому у меня есть две руки, две ноги и лицо. Есть все, что есть у людей, а это большая редкость. Почти у всех воображаемых друзей чего-нибудь да не хватает, а некоторые вообще на людей не похожи. Как Чамп.

Впрочем, чрезмерно развитое воображение тоже бывает вредно. Знал я как-то одного воображаемого друга по имени Птеродактиль, так у того глаза висели на тонких таких, зеленых антенках. Друг Птеродактиля наверняка думал, что это круто, а бедный Птеродактиль ни на чем не мог сосредоточиться. Мне он как-то пожаловался, что его постоянно укачивает, и еще, что он без конца спотыкается, потому что ноги у него нормальные, а ступни не ступни, а какие-то кляксы. Его друг-приятель так увлекся головой и антенками, что почти забыл о том, что должно быть ниже пояса.

Так часто бывает.

А еще мне повезло в том, что я могу двигаться самостоятельно. Обычно воображаемые друзья не могут отойти от тех, кто их придумал. Одни ходят на поводке. Другие растут в три дюйма, и носят их в кармане. Третьи – просто пятно на стенке, как Чамп. А я – спасибо Максусу – могу от него отходить. Я могу даже вообще уйти, если захочу.

Но этим нельзя злоупотреблять, это может быть вредно для моего здоровья.

Я жив, пока Макс в меня верит. Люди – например, родители Макса или моя подруга Грэм – говорят, что я поэтому и воображаемый. Но это не так. Может, без воображения Макса я и погибну, но у меня есть свои мысли, свои идеи и своя жизнь. Я привязан к Максусу, как космонавт привязан к космическому кораблю всякими шлангами и проводами. Если корабль вдруг взорвется и космонавт погибнет, это не значит, что он воображаемый. Это значит лишь, что он лишился системы жизнеобеспечения.

Так же и мы с Максом.

Макс мне необходим, чтобы жить, но все равно я самостоятельная личность. Я могу говорить и делать все, что хочу. Мы с Максом даже иногда спорим, хоть и по

пустякам. Например, о том, что смотреть по телевизору или во что играть. Хотя мне и надлежит (это слово мы на прошлой неделе узнали от миссис Госк) по возможности чаще держаться рядом с Максом, потому что мне необходимо, чтобы он почаще обо мне вспоминал. Чтобы он в меня верил. Я не хочу быть «с глаз долой – из сердца вон», как иногда говорит мама Макса, если его папа забывает позвонить, когда задерживается на работе. Если я отлучусь надолго, Макс может перестать в меня верить, и тогда – пфф!

Глава 3

Когда Макс учился в первом классе, его учительница сказала, что комнатные мухи живут в среднем три дня. Интересно, а сколько в среднем живут воображаемые друзья? Наверное, не намного дольше мух. Так что в нашем мире я, можно сказать, древность. Макс придумал меня в четыре года, и я – р-раз – и появился на свет. Сначала я знал только то, что знал Макс. Знал, какие на мне цвета и несколько своих цифр, а еще названия разных предметов, например: стол, микроволновая печь и авианосец. Моя голова была набита всем тем, что знают четырехлетние мальчики. Хотя я в воображении Макса был старше, чем он. Был, может, подростком. Может даже, немного старше. А может, я у него был ребенок с мозгами взрослого. Трудно сказать. Ростом я не намного выше Макса, но мы разные, это точно. Я с рождения более собранный, чем Макс. Я с самого начала разбирался в вещах, которые Макс до сих пор не понимает. Я умею решать проблемы, какие не может решить Макс. Наверное, потому и рождаются воображаемые друзья. Точно не знаю.

Макс не помнит день, когда я появился на свет, и не помнит, о чем он тогда думал. Но так как он придумал, что я старше и собраннее, то я мог учиться намного быстрее, чем он. Я даже в день своего рождения мог сосредоточиться лучше, чем Макс сейчас. Помню, в тот первый день мама Макса пыталась научить его считать четными числами, а он все никак не мог понять, как это. А я понял сразу. Мне это было нетрудно, потому что мои мозги были готовы к такому счету. А у Макса – нет.

По крайней мере, я так думаю.

Кроме того, я не сплю, потому что Макс не подумал о том, что я должен спать. Так что у меня больше времени на учебу. А так как я не все время с Максом, то я и знаю много такого, чего он никогда не видел и не слышал. Когда Макс засыпает, я сижу с его родителями в гостиной или в кухне. Мы смотрим телевизор, или они болтают, а я слушаю. Иногда выхожу пройтись. Я иду на автозаправку, которая работает круглые сутки, потому что там трудятся люди, которых я люблю больше всех, кроме Макса, его родителей и миссис Госк. Или я иду немного дальше по дороге, в закусочную «Хот-доги Дугис», или в полицейский участок, или в больницу (хотя сейчас я в больницу не хожу, потому что там Освальд и он меня пугает). А когда мы в школе, я иногда захожу в учительскую или в какой-нибудь другой класс, иногда даже в кабинет директора, просто чтобы послушать, о чем говорят. Я не умнее Макса, но я знаю больше, потому что спать мне не нужно и я хожу туда, куда Макс пойти не может. Это хорошо. Иногда, когда Макс чего-то не понимает, мне удается ему помочь.

Вот, например, на прошлой неделе Макс хотел сделать бутерброд с джемом и арахисовым маслом и не мог открыть банку с джемом.

– Будо! – сказал он. – Я не могу ее открыть.

– Конечно можешь, – сказал я. – Крути в другую сторону. Влево – открыть, вправо – закрыть.

Так иногда говорит себе под нос мама Макса, когда собирается открыть банку. Это сработало. Макс открыл банку. Но он пришел в такой восторг, что уронил ее на пол и она разлетелась на миллион маленьких осколков.

Мир Макса устроен очень сложно. Он не всегда может получить что хочет, даже если делает все правильно.

Мой мир – странное место. Я живу в пространстве между людьми. Большую часть времени я провожу с Максом в мире детей, но не меньше времени провожу со взрослыми: родителями Макса, учителями, моими друзьями с автозаправки, – хотя они меня не видят. Мама Макса сказала бы, что я «ни то ни се». Так она говорит Макс, когда он не может принять решение.

– Ты хочешь голубой попсикл[1] или желтый? – спрашивает она.

Тут Макс просто замирает. Будто замерз, как попсикл. Макс, если приходится выбирать, нужно учесть очень многое.

Что лучше – красный или желтый?

Что лучше – зеленый или голубой?

Какой попсикл холоднее?

Какой быстрее растает?

Какой вкус у зеленого?

вернуться

1

Попсикл – фруктовое мороженое на палочке, или фруктовый лед. – Здесь и далее прим. перев.

Какой у красного?

Влияет ли цвет на вкус?

По-моему, лучше бы мама Макса выбирала за него. Она ведь знает, как это для него трудно. Но она просит выбрать, и, когда у Макса не получается, я иногда ему подсказываю.

– Выбери голубой, – шепчу я.

И он говорит:

– Голубой.

Все. Дело сделано. Никаких «ни то ни се».

Вот примерно так я живу. Я сам ни то ни се. Я живу в желтом мире и в синем мире.

Живу с детьми и со взрослыми. Я не совсем ребенок, но и не взрослый.

Я – желтый и синий.

Зеленый.

Так что я знаю не только свои цвета, но и сочетания.

Глава 4

Миссис Госк – учительница Макса. Она очень мне нравится. Миссис Госк ходит по классу со своей линейкой и грозит ею ученикам, пугая их на своем будто британском английском, хотя они знают, что на самом деле она просто шутит. Миссис Госк очень строгая и требует, чтобы все учились изо всех сил, но она никогда не ударит ученика. И все-таки она очень строгая. Заставляет сидеть прямо, во время контрольной не разрешает разговаривать, а если кто-то не слушается, говорит:

– Стыд и срам! Стыд и срам! За тебя стыдно нам! – И добавляет: – Теперь, молодой человек, вам это будут помнить, пока свинья не полетит![2]

Другие учителя говорят, что миссис Госк старомодна, но дети знают, что она строгая, потому что их любит.

Максу мало кто нравится, а миссис Госк ему нравится.

В прошлом году учительницей у Макса была миссис Силбор. Она тоже была строгая. Также всех заставляла учиться, как миссис Госк. Но все знали, что она не любит детей, как миссис Госк, и потому никто в классе не старался так, как в этом году. Странное дело, люди столько учатся в колледжах, чтобы стать учителями, но не все знают даже самые простые вещи. Например, как рассмешить детей. Или дать им понять, что их любят.

Мне не нравится миссис Паттерсон. Она не учительница. Она – специалист-практик.[3]

Она помогает миссис Госк учить Макса. Макс не такой, как все, потому он не весь день проводит с миссис Госк. Иногда Макс вместе с другими детьми, которые

нуждаются в дополнительной помощи, занимается в Учебном центре с миссис Макгинн, а иногда идет к миссис Райнер отрабатывать правильную речь, а иногда играет с другими детьми в кабинете у миссис Хьюм. А иногда он читает и готовит уроки с миссис Паттерсон.

Насколько я знаю, никто точно не знает, чем именно Макс отличается от других детей. Папа Макса говорит, что он просто поздний ребенок, хотя, когда он так говорит, мама Макса на него злится и потом не разговаривает с ним как минимум целый день.

Я не знаю, почему все думают, будто Макс такой уж сложный ребенок. Он просто по-своему относится к людям. Они ему нравятся, но по-своему. Он любит их на расстоянии. Чем дальше от него, тем больше нравятся.

И ему не нравится, когда до него дотрагиваются. Когда кто-нибудь до Макса дотрагивается, весь мир вокруг сразу становится ярким и хрупким. Так он мне однажды это описал.

Я вообще не могу дотронуться до Макса, а Макс не может дотронуться до меня. Может быть, поэтому мы хорошо ладим.

Еще Макс не понимает, когда люди говорят одно, а подразумевают другое. Вот, например, на прошлой неделе, когда Макс читал на перемене книжку, к нему подошел мальчик из четвертого класса и сказал:

– Только посмотрите на этого маленького гения.

Макс ничего не ответил, потому что знал: если ответить, этот четвероклассник не уйдет, а будет и дальше его донимать. Но я знаю, что Макс растерялся, потому что тот назвал его умным, а на самом деле имел в виду какую-то гадость. Он сказал это с ехидством, а Макс не понял почему. Макс понял, что тот сказал гадость, потому что он всегда говорил ему гадости. Но не понял, почему он назвал его гением, ведь так обычно хвалят.

Люди часто ставят Макса в тупик, и потому ему с ними трудно. И потому ему приходится ходить к миссис Хьюм играть с другими детьми. Макс считает это пустой тратой времени. Он терпеть не может сидеть на полу вокруг «Монополии», потому что сидеть на стуле гораздо удобнее, чем на полу. Но миссис Хьюм хочет научить Макса играть с другими детьми и понимать, когда они шутят или ехидничают. Когда родители Макса ссорятся, его мама говорит папе, что тот не видит за деревьями леса. Вот так же и Макс, с той лишь разницей, что Макс не видит леса всегда. Он не видит большое, потому что его заслоняет малое.

Сегодня миссис Паттерсон нет в школе. Обычно, если кого-то из учителей нет, это значит, что или учитель заболел, или у него заболел ребенок, или умер кто-то из его родственников. У миссис Паттерсон однажды кто-то умер. Я знаю об этом, потому что время от времени в учительской ей что-нибудь ласково говорят, например: «Как вы держитесь, дорогая?» – а иногда, стоит ей выйти, перешептываются. Но это все случилось уже давно. Сейчас, если миссис Паттерсон нет, это значит, что сегодня пятница.

Миссис Паттерсон никто не заменяет, так что мы с Максом весь день проводим с миссис Госк, чему я очень рад. Я не люблю миссис Паттерсон. Макс у нее тоже не нравится, но ему она не нравится так же, как большинство других учителей в школе. Он не видит того, что вижу я, потому что его внимание все время отвлекают деревья. Но миссис Паттерсон не такая, как миссис Госк, или миссис Райнер, или миссис Макгинн. Она никогда не улыбается по-настоящему. У нее в мыслях совсем не то, что на лице. Не думаю, что ей нравится Макс, но она притворяется, будто его любит. Меня это пугает даже больше, чем если бы он ей просто не нравился.

– Макс, мой мальчик, привет! – говорит миссис Госк, когда мы входим в класс.

Максу не нравится, когда миссис Госк называет его «мой мальчик», потому что он не ее мальчик. У него уже есть мама. Но он не попросит миссис Госк, чтобы она его так

не называла, потому что ему попросить труднее, чем каждый день слышать «мой мальчик».

Макс скорее промолчит, чем что-то кому-то скажет.

Но хоть Макс и не понимает, почему миссис Госк называет его «мой мальчик», он знает, что она его любит. Знает, что миссис Госк ничего плохого не имеет в виду. Просто путает его немного, и все.

Если бы я мог, я сам попросил бы миссис Госк не называть Макса «мой мальчик», но она меня не видит и не слышит, и тут я ничего не могу поделать. Воображаемые друзья не умеют ни до чего дотрагиваться и брать тоже ничего не умеют. Потому я не могу открыть банку с джемом, или поднять карандаш, или печатать на клавиатуре. Иначе я написал бы миссис Госк записку и попросил не называть Макса «мой мальчик».

В реальном мире я могу с чем-то столкнуться, но не могу коснуться.

Но мне все равно повезло, потому что, когда Макс меня придумал, он сразу решил, что я умею проходить через двери и окна, даже через закрытые. Я думаю, он так решил потому, что родители Макса закрывают на ночь дверь в его спальню, и он испугался, что я останусь снаружи. Макс не любит засыпать, когда меня нет рядом на стуле возле его кровати. В общем, я хочу сказать, что умею проходить сквозь двери и окна, но не сквозь стены и полы. Я не могу проходить сквозь стены и полы, потому что Макс об этом не подумал. Было бы странно, если бы он и об этом подумал.

Не я один умею проходить через двери или окна. Некоторые умеют проходить даже сквозь стены, но обычно воображаемые друзья вообще ни сквозь что не проходят, и если где-то застрянут, то надолго. Так случилось с Паппи.[4] Паппи – говорящий щенок. Две недели назад он на целую ночь застрял в кладовке уборщика. Это была ужасная ночь для подружки Паппи, девочки по имени Пайпер, потому что Пайпер понятия не имела, куда он мог подеваться.

Но для Паппи это было еще ужаснее, потому что именно в запертых кладовках воображаемые друзья часто и пропадают навсегда. Мальчик или девочка могут не нарочно (или нарочно, но случайно) запереть своего воображаемого друга в шкафу или кладовке – и пфф! С глаз долой – из сердца вон. Прощай, воображаемый друг.

вернуться

2

«Когда свинья полетит» – аналог русской поговорки «Когда рак на горе свистнет».

вернуться

3

Специалист-практик – специалист без диплома, получивший достаточную подготовку, чтобы помогать профессионалу в той или иной сфере.

вернуться

4

Паппи (pupru) – щенок.

Умение проходить через двери тут может очень пригодиться.

Сегодня мне захотелось посидеть вместе с Максом в классе, потому что миссис Госк читает вслух «Чарли и шоколадную фабрику», [5] а я люблю, когда она читает. У нее тихий-тихий, тоненький голос, так что детям приходится даже шею тянуть, чтобы его услышать, и они тогда совсем не шумят. А Макс любит тишину. Шум ему мешает. Когда Джоуи Миллер стучит карандашом по парте, а Дэниелла Ганнэр притопывает ногой (она то и дело притопывает), Макс слышит только стук карандаша и топот. Он не умеет, как другие дети, не обращать на них внимания, но, когда миссис Госк читает, все сидят тихо.

Миссис Госк всегда выбирает самые лучшие книги и рассказывает самые интересные истории из своей жизни, которые чем-то похожи на истории из книги. Прочтет, как Чарли Бакет отколол какой-нибудь номер, и тут же вспомнит что-то подобное из

детства своего сына Майкла, и мы все смеемся, чуть ли не до колик. Даже Макс иногда смеется.

Макс не любит смеяться. Некоторые думают, что он не смеется, потому что не понял шутки, но это не так. Макс вообще не понимает шуток. Всякие каламбуры, игры в кого-то, «Тук-тук, кто там?» не имеют для него смысла, потому что там говорят об одном, а смысл другой. Если у слова много значений, ему трудно выбрать какое-то одно. Он не понимает, почему одно и то же слово означает разные вещи, в зависимости от того, как его использовать, и я Макса в этом не виню. Мне это самому не особенно нравится.

А вот забавные истории Макса очень даже веселят. Например, однажды миссис Госк рассказала, как Майкл послал для смеха одному школьному драчуну двадцать сырных пицц вместе со счетом. Потом к ним домой пришел полицейский, чтобы поугагать Майкла, а миссис Госк сказала полицейскому: «Забирайте», чтобы преподать сыну урок. Все смеялись над этой историей. Даже Макс. Потому что в ней был смысл. Было начало, середина и конец.

Кроме того, миссис Госк сегодня рассказывает нам о Второй мировой войне, которой нет в учебной программе, но миссис Госк считает, что мы должны о ней знать. Детям ее рассказы нравятся, а Максу нравятся больше всех, потому что он вообще только и думает что о сражениях, танках и самолетах. Иногда он думает о них целыми днями. Если бы в школе учили только войны и сражения, а не письмо и математику, Макс был бы лучшим учеником на свете.

Миссис Госк рассказывает о Пёрл-Харборе. Японцы бомбили Пёрл-Харбор седьмого декабря 1941 года. Миссис Госк сказала, что американцы не были готовы к коварной атаке японцев, потому что они не могли себе представить, что их атакуют с такого расстояния.

– Америке не хватило воображения, – так она сказала.

Если бы Макс жил в 1941 году, все могло бы быть совсем по-другому, потому что у него отличное воображение. Могу поспорить на что угодно, что уж Макс-то сумел бы себе представить план адмирала Ямамото, сверхмалые субмарины, и торпеды с деревянным оснащением, и все такое прочее. Он бы предупредил американских солдат о плане японцев, потому что это он умеет делать лучше всего. Представлять себе в воображении. Он все время что-нибудь воображает и что-нибудь происходит у него в голове, потому что он не очень думает о том, что происходит снаружи. Именно этого люди никак и не могут понять.

Потому-то мне лучше по возможности не бросать Макса. Он, бывает, не обращает внимания на то, что вокруг. На прошлой неделе он едва не попал под автобус, когда сильным порывом ветра у него из рук вырвало ведомость с оценками и понесло между автобусом номер 8 и автобусом номер 53. Макс побежал за ведомостью и не посмотрел ни в одну, ни в другую сторону, и я крикнул: «Макс Дилэйни! Стой!»

Я всегда называю Макса по фамилии, когда нужно привлечь его внимание. Этому я научился у миссис Госк. И в тот раз это тоже сработало. Макс остановился, что было правильно, потому что как раз в тот момент рядом со школьным автобусом проехала машина, хотя это, вообще-то, нарушение правил.

Грэм сказала, что я спас Максу жизнь. Грэм тоже воображаемая, и она сейчас тоже в школе, насколько я понимаю, так что она все видела. Грэм – девочка, но у нее мужское имя. Она похожа на человека, почти как я, только волосы у нее стоят торчком, будто кто-то на луне тянет за каждый волосок. Волосы у нее не шевелятся. Они твердые, как из камня. Грэм слышала, как я закричал, чтобы остановить Макса, а потом, когда Макс вернулся к своему автобусу, она подошла ко мне и сказала:

– Будо! Ты спас Максу жизнь! Он чуть не попал под машину!

Но я сказал ей, что спас жизнь себе, потому что, если бы погиб Макс, я тоже умер бы, насколько я понимаю.

Так ведь?

Я думаю, что так. Никогда не слышал, чтобы воображаемый друг пережил своего человека. Так что я не уверен.

Но, думаю, именно так бы и было. То есть и я бы умер. Если бы умер Макс.

Глава 5

– Как ты думаешь, я настоящий? – спрашиваю я.

– Да, – говорит Макс. – Поддай мне синий двузубец.

Двузубец – одна из деталек «Лего». У Макса есть названия для всех деталек.

– Не могу, – говорю я.

Макс смотрит на меня:

– Ах да. Я забыл.

– Если я настоящий, почему только ты меня можешь видеть?

– Не знаю, – говорит Макс, и я слышу по его голосу, что он раздражен. – Я думаю, что ты настоящий. Почему ты все время об этом спрашиваешь?

В самом деле. Я часто об этом спрашиваю. Спрашиваю не просто так, а специально. Я не собираюсь жить вечно. Знаю, что никто не живет вечно. Но я собираюсь жить столько, сколько Макс в меня верит. Если я заставлю Макса думать, что я настоящий, то он наверняка будет верить в меня подольше.

Хотя, если слишком часто спрашивать, настоящий я или нет, Макс может засомневаться. Тут есть риск. Но пока все идет хорошо.

Миссис Хьюм как-то сказала маме Макса, что у таких детей, как он, часто бывают воображаемые друзья и они держатся дольше, чем у других.

«Держатся». Мне понравилось это слово.

Я держусь.

Родители Макса снова ссорятся. Макс их не слышит, потому что играет в компьютерную игру на первом этаже, а его родители кричат друг на друга шепотом. Голоса у них звучат так, будто они столько уже орут друг на друга, что охрипли, и, вообще-то, отчасти это так и есть.

– Мне плевать, что думает твой долбаный психиатр, – говорит папа Макса, и щеки у него багровеют от сдерживаемого ора. – Макс нормальный... просто он поздний. Он играет с игрушками. Играет в мяч. У него есть друзья.

Папа Макса ошибается. У Макса нет друзей, кроме меня. В школе его кто-то любит, кто-то не любит, кто-то не обращает внимания, но дружить с ним никто не дружит, и не думаю, что он сам хочет с кем-то дружить. Макс лучше всего, когда он один. Даже я иногда ему мешаю.

Даже те дети, которым Макс нравится, обращаются с ним иначе, чем друг с другом. Например, Элла Барбара. Она любит Макса, но так, как дети любят кукол или плюшевых мишек. Она называет его «мой малыш Макс» и норовит то отнести в столовую его бутербродницу, то застегнуть ему молнию на куртке, хотя он все это сам умеет. Макс терпеть не может Эллу. Он съеживается всякий раз, когда она начинает помогать или просто до него дотрагивается. Он не может сказать, чтобы она прекратила приставать, потому что ему легче съежиться, чем что-то сказать. Миссис Силбор, когда переводила Макса и Эллу в третий класс, отправила их в одну группу, потому что ей казалось, будто они нужны друг другу. Так она и сказала маме Макса на родительском собрании. Макс, может, и нужен Элле, чтобы играть с ним, как с куклой, а вот ему Элла точно не нужна.

– Он не поздний, и, пожалуйста, прекрати его так называть, – говорит мама Макса, и по ее голосу слышно, что она изо всех сил старается говорить спокойно, хотя это ей дается с трудом. – Я знаю, тебе это больно признать, Джон, но что есть, то есть. Не могут же ошибаться все врачи, у кого мы были.

– Об этом и речь, – говорит папа Макса, и лоб у него покрывается красными пятнами. – Не все они так считают, и ты это знаешь! – Он говорит так, будто каждое

слово выстрел. – Никто точно не знает, что с Максом. Так чем же их мнение лучше моего, если они даже не могут прийти к единому мнению?

вернуться

5

«Чарли и шоколадная фабрика» (1964) – сказочная повесть Роальда Даля о приключениях мальчика Чарли Бакета на шоколадной фабрике мистера Вонки. По книге поставлен одноименный фильм Тима Бёртона с Джонни Деппом в роли хозяина шоколадной фабрики.

– Диагноз не имеет значения, – говорит мама Макса. – Не важно, в чем причина. Важно, что ему нужна помощь.

– Я не понимаю, – говорит папа Макса. – Вчера вечером мы с ним перебрасывались в мяч. Он ездил со мной за город. Он хорошо учится. В школе у него нет проблем. Почему нужно лечить бедного ребенка, если с ним все в порядке?

Мама Макса начинает плакать. Она часто моргает, на глазах появляются слезы. Я терпеть не могу, когда она плачет, и папа Макса тоже этого не переносит. Я никогда в жизни не плакал, но выглядит это ужасно.

– Джон, он не любит, когда мы его обнимаем. Он не может смотреть в глаза. Он выходит из себя, когда я перестилаю ему постель или покупаю зубную пасту с новым названием. Он сам с собой разговаривает. Это ненормально для ребенка. Я не говорю, что его нужно кормить лекарствами. Не говорю, что он, когда вырастет, будет ненормальным. Ему просто нужна профессиональная помощь, чтобы справиться с некоторыми проблемами. И я хочу, чтобы это произошло раньше, чем я снова забеременею. Пока у нас есть возможность заниматься только Максом.

Папа Макса разворачивается и уходит. Он хлопает за собой москитной дверью. Москитная сетка трясется и не сразу останавливается. Я привык думать, что когда папа Макса уходит, не найдя аргумента, – это значит, что победила мама. Я думал, что он отступает, как отступают игрушечные солдатики Макса. Я думал, он сдастся. Но, пусть он и отступил, это еще не значит, что он сдался. Он отступал много раз и дверью хлопал так, что она потом долго тряслась, но папа оставался при своем. Папа Макса просто будто нажимал на «паузу» на пульте. И наступала пауза. Но спор был не закончен.

Кстати, Макс единственный известный мне ребенок, у кого солдатики отступают или сдаются.

У всех остальных они гибнут.

Я не уверен, что Макс нужно идти к психиатру, и, если честно, я точно и не знаю, чем занимаются психиатры. Кое-что знаю, но не все. Вот это все меня и беспокоит. Родители Макса, кажется, собрались ссориться из-за этого каждый день, и ни один из них не желает сказать: «Ладно, сдаюсь!», или «Твоя взяла», или «Ты прав». Макс в конце концов пойдет к психиатру, потому что мама Макса почти всегда побеждает.

Я думаю, папа Макса ошибается, и дело не в том, что Макс поздний ребенок. Я почти весь день провожу с Максом и вижу, как сильно он отличается от одноклассников. Жизнь у Макса проходит внутри, а у них – снаружи. Вот этим он от всех и отличается. У Макса ничего нет снаружи. У него всё внутри.

Я не хочу, чтобы Макс шел к психиатру. Психиатры – люди, которые так умеют задурить, что говоришь им правду. Умеют заглянуть тебе в голову и знают, о чем ты думаешь. Если на приеме у психиатра Макс будет думать обо мне, тот заставит его обо мне рассказать. И тогда он может убедить Макса в меня не верить.

Вот сейчас мама Макса плачет, а мне все равно больше жалко его папу. Иногда мне даже хочется сказать маме Макса, чтобы она лучше относилась к папе. Она хозяйка в доме и над папой хозяйка, а я не думаю, что это для него хорошо. От этого он чувствует себя маленьким и глупым. Вот как когда он хочет в среду вечером пойти с друзьями сыграть в покер, но не может просто взять и так им и сказать. Он сначала

должен спросить у мамы, не будет ли она против, причем выбрав подходящий момент, когда у нее хорошее настроение, иначе она не согласится.

Она может сказать в ответ: «В среду ты мне будешь нужен дома». Или: «А разве ты не ходил играть на прошлой неделе?» Или, что хуже всего, сказать: «Вот и прекрасно», что на самом деле значит: «Ничего хорошего в этом нет, и ты сам это знаешь, и, если ты уйдешь, я буду злиться на тебя как минимум три дня!»

Так бы Макс мог спрашивать разрешения пойти в гости к другу, если бы вдруг захотел поиграть с кем-то, кроме меня, чего на самом деле никогда не бывает.

Я не понимаю, почему папа Макса должен спрашивать разрешения, и совсем не понимаю, почему мама Макса заставляет его это делать. Разве не лучше было бы, если бы папа Макса сам решал, что делать?

Дело усугубляется тем, что папа Макса работает менеджером в «Бургер кинге». Макс считает, что это одна из самых лучших на свете работ, и, если бы я мог съесть двойной чизбургер с беконом и пакетиком фри, я, наверное, тоже бы так думал. Но у взрослых работа в «Бургер кинге» не считается хорошей работой, и папа Макса об этом знает. Это видно сразу по тому, как он не любит рассказывать о своей работе. Папа Макса никогда не спрашивает других об их работе, а это самый часто задаваемый вопрос в мире взрослых за всю историю человечества. Он, когда кому-нибудь рассказывает о том, кем работает, всегда смотрит себе под ноги и говорит: «Я менеджер в ресторане». Заставить его произнести «Бургер кинг» – все равно что заставить Макса выбирать между куриной лапшой и овощным супом с беконом. Он старается сделать все, лишь бы не произносить эти два слова.

Мама Макса тоже менеджер. Она руководит людьми в какой-то «Этне», но я не могу понять, что они там делают. Уж точно не двойные чизбургеры с беконом. Я однажды пошел туда к ней, чтобы узнать, чем она весь день занимается, но там ничего не делают, а просто сидят перед компьютерами в своих крохотных кабинках, похожих на коробки без крышек. Или сидят за столом в душных комнатах, постукивая по полу ногой и глядя на часы, пока какой-нибудь немолодой мужчина или старая леди рассказывает им о вещах, которые никому не интересны.

Но пусть у них там скучно и они не делают двойные чизбургеры с беконом, но сразу видно, что работа у мамы Макса лучше, чем у папы, потому что там у них платья, галстуки, рубашки, а не униформа. Мама Макса никогда не рассказывает про то, что кто-то что-то украл или не вышел на работу, как папа Макса. И он работает то с пяти утра, то всю ночь до пяти утра. И как ни странно, хотя работа у папы Макса вроде бы намного тяжелее, чем у мамы, зарабатывает она больше и работа у нее считается намного лучше. Она никогда не опускает глаза, когда ее спрашивают, кем она работает.

Я рад, что Макс сейчас не слышит, как они ссорятся. Иногда он слышит. Иногда они забывают, что кричать надо шепотом, а иногда ссорятся в машине, где все равно, шепотом они орут или нет. Когда они ссорятся, Макс огорчается.

– Они из-за меня ссорятся, – сказал он мне однажды.

Макс играл в «Лего», а за этим занятием он любит поговорить о чем-нибудь важном. На меня он не смотрит. За разговором он строит самолеты, крепости, военные и космические корабли.

– Нет, не из-за тебя, – сказал я. – Они ссорятся, потому что они взрослые. Взрослые любят ссориться.

– Нет. Они спорят только из-за меня.

– Нет, – сказал я, – вчера вечером они спорили о том, что смотреть по телевизору.

Я тогда хотел, чтобы победил папа Макса, потому что в таком случае мы посмотрели бы полицейский сериал, но он проиграл, и пришлось смотреть какое-то дурацкое музыкальное шоу.

– Это была не ссора, – сказал Макс. – Они просто не соглашались друг с другом. Это другое дело.

Так нам миссис Госк говорит. Она говорит, что это нормально, когда люди с чем-то не согласны, но это не значит, что из-за несогласия нужно ссориться. «Я вполне могу пережить, если кто-то с чем-то не согласен, – любит говорить она в классе. – Но я не собираюсь терпеть, чтобы кто-то ссорился в моем присутствии».

– Они ссорятся потому, что не знают, что для тебя лучше, – сказал я. – Они пытаются понять, как правильно.

На минуту Макс поднимает на меня глаза. Какую-то секунду мне кажется, что он рассердился, но потом его лицо меняется. Его лицо смягчается и становится печальным.

– Когда хотят, чтобы мне стало лучше, а говорят неизвестно что, мне от этого только хуже. А когда ты так делаешь, мне совсем плохо становится.

– Извини, – сказал я.

– Все в порядке.

– Нет, – сказал я. – Я не хочу извиняться, потому что я сказал правду. Твои родители действительно стараются понять, как поступить. То есть я хочу сказать, что они ссорятся из-за тебя, потому что тебя любят.